

УДК 342.4:316.6

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА КАК ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ МАТРИЦА СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Н. М. Добрынин

Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия)

Работа представляет собой результат авторского осмысления понятий социализма, социальности и социального государства применительно к проблематике общественной (массовой) психологии современного российского конституционализма. На основе анализа краткого общественно-политического эссе А. Эйнштейна «Почему социализм?» делается вывод о том, что сегодня понятие социализма должно трактоваться существенно шире, нежели только в рамках соответствующих теорий социалистическо-утопического толка. В заключительной части выделены текущие задачи конституционного развития России по обеспечению реализации стандартов социального государства, подчеркивается приоритетный характер формирования в этой связи релевантной по содержанию и качеству социальной психологии современного российского конституционализма.

Ключевые слова: социальное государство, социальность, социализм, социальная справедливость, социальная солидарность, нравственность, конституционализм.

THE CONSTITUTIONAL PRINCIPLE OF SOCIAL STATE AS AN ONTOLOGICAL MATRIX OF SOCIAL PSYCHOLOGY OF THE CONTEMPORARY RUSSIAN CONSTITUTIONALISM

N. M. Dobrynin

Tyumen State University (Tyumen, Russia)

The represented paper is a result of the author's comprehension of the terms of socialism, sociality and social state in regard to the issues of social (mass) psychology of the contemporary Russian constitutionalism. On the basis of an analysis of the brief social and political essay of Albert Einstein "Why socialism?" it is concluded that the term of socialism should be interpreted today far more wider than just in the frameworks of the relevant socialistic and utopian doctrines. As a conclusion author stresses the current tasks of the constitutional development of Russia in order to improve realization of the social state's standards, and highlights in this regard a prior significance of forming of the relevant content and quality of social psychology of the contemporary Russian constitutionalism.

Keywords: social state, sociality, socialism, social justness, social solidarity, morality, constitutionalism.

Психологические аспекты массового правопонимания как социальный контекст реализации ценностей российской Конституции: постановка проблемы

Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., в общемировых масштабах конституционного строительства относится к числу сравнительно молодых конституций. В то же время не будет преувеличением сказать, что за прошедшую историю своего существования российская Конституция пережила колоссально сложный период первичной апробации.

Конституция России на современном этапе, достойно выполняя свою миссию и, что немаловажно, оставаясь в своем практически первоизданном виде, является надежным правовым, идеологическим, политическим фундаментом Российского государства.

Сегодня у России в рамках избранной ею более двух десятилетий назад траектории правового развития *может быть лишь один верный и исторически оправданный путь: это путь постепенной, планомерной и методичной политико-правовой модернизации, путь, исключаящий любые ревизионистские настроения и в то же время учитывающий потребности общества в обеспечении баланса конституционных ценностей в конкретно-исторических условиях.*

Вместе с тем нельзя отрицать тот очевидный факт, что более чем четвертьвековой период жизни, преодоленный Конституцией страны, безусловно, стал временем накопления также и критической массы признаков, условий и факторов, которые неизбежно сопровождают действие Конституции, ее реализацию, будучи порождены как самой Конституцией, так и возникнув вопреки ей.

Всем хорошо известно, что период истории России начала 2000-х гг. был ознаменован преодолением в значительной степени культурных, политических, социально-экономических кризисных явлений, связанных с переходом страны от советского государственно-общественного строя к новому демократическому укладу. И теперь, получая свое воплощение в жизни российского общества и государства, соответствующие условия и факторы в их совокупности или, как было сказано выше, в накопленной критической массе диалектически подводят Основной закон страны, а за ним и, собственно, весь многонациональный российский народ к рубежу, барьеру, преодоление которого связано либо с коренным преобразованием, либо же если не с сущностным изменением, то с отысканием и раскрытием принципиально новых качеств правовой реальности, которые соответствуют предлагаемым эпохой вызовам.

В этой связи вопрос оптимального выбора Россией дальнейшего курса конституционного развития не только набирает актуальность в научных и политических кругах: он отнюдь не бесосновательно становится значимым уже и с экзистенциальной точки зрения. Данная тенденция вкупе с некоторыми иными факторами как нельзя лучше характеризует сущность и *остроту момента* в развитии на современном этапе как российского конституционализма в целом, так и его отдельных наиболее принципиальных составляющих, которые образуют основы конституционного строя нашей страны.

В изложенном контексте совершенно очевидно, что проблема политико-правовой модернизации России не исчерпывается вопросом об устойчивости государственного суверенитета страны, соблюдения ее национальных интересов в межгосударственном общении. Это, безусловно, важный фактор и условие сохранения российской государственности в свете внешних вызовов и рисков; но не меньшей значимостью обладает и вопрос о внутренних, происходящих в пределах России процессах, определяющих способность страны взять, обращаясь к метафоричному термину уважаемого профессора В. Д. Зорькина, правовой барьер.

По нашему глубокому убеждению, профессор В. Д. Зорькин совершенно справедливо отмечает: «Именно в рамках права, на пути формирования правового и одновременно социального государства нам надо искать соединение традиции соборности, общинности и коллективизма с правом как формой свободы индивида. <...> Таким образом, на данном историческом этапе Россия должна построить не просто правовое государство. Это должно быть *правовое и социальное* государство. Именно так можно определить главное направление правового развития России. Только на этом пути наша страна сможет противостоять сложным вызовам современного мира, сохранить свою идентичность в условиях глобализации и найти достойное место в процессе общецивилизационного развития человечества» [1, с. 44].

В данном контексте нельзя не обратиться к мысли о том, что построение *правового и социального* государства возможно лишь при условии, что право в стране становится воплощением общеправового принципа справедливости, средоточием нравственных оснований жизни общества, а закон является только правовым.

В противном случае мы неизбежно сталкиваемся с ситуацией, когда принимаемые законы не работают, не реализуются должным образом, поскольку не находят *точки опоры* в социокультурных ценностях российского народа, не получают должного и адекватного отклика в умах людей.

Эту простую для понимания, но в то же время крайне сложную в практической реализации мысль сформулировал еще Ш. Монтескье, который в трактате «*О духе законов*» писал: «Законодатель должен сообразоваться с народным духом, поскольку этот дух не противен принципам правления, так как лучше всего мы делаем то, что делаем свободно и в согласии с нашим природным гением» [2, с. 261].

По абсолютно точному замечанию профессора В. Д. Зорькина, опять же можно было бы «привести множество высказываний современных философов и социологов, подчеркивающих, что право может быть действенно лишь в той мере, в какой ему удастся получить социальное признание (Пьер Бурдьё), что право должно быть способно доказать собственную легитимность в глазах граждан, обладающих во всех других отношениях разными взглядами (Юрген Хабермас) и т. д. Вряд ли кто-то будет сейчас спорить с тем, что эффективной является такая правовая система, которая обеспечивает легитимность правоустановления и правоприменения (включая толкование закона) в глазах большинства населения» [1, с. 16].

И здесь, разумеется, в первую очередь на повестке находится вопрос о нравственных основаниях права, его соотношении с моралью. Сегодня ни для кого не секрет, что человечество в целом сталкивается с серьезнейшей проблемой ослабления роли социальных регуляторов. Мораль, отражением которой выступает общественная нравственность, в этом смысле подпадает под еще большее негативное влияние, чем право: когда *основания социальной солидарности* оказываются под сомнением в силу признания личности, ее индивидуальности и уникальности высшей ценностью, человеческое эго, вне всякого сомнения, подавляет тысячелетиями формировавшиеся этические императивы.

Не замечать сегодня этой проблемы означает — ни больше ни меньше — движение по пути социальной дезинтеграции, с которой даже право со временем будет уже не в состоянии справиться. Нравственный, морально-этический регресс общества, конечно же, является не столько риском недостижения в обозримом будущем идеала цивилизации права, сколько вообще прямой угрозой любому правопорядку, пусть и самому несовершенному.

Все изложенное выше позволяет уже в самом первом приближении увидеть полифонический, чрезвычайно многогранный характер тех интегральных задач, которые требуется сегодня решать, целенаправленно двигаясь по пути политико-правовой модернизации современной России. Но особенно в этом контексте следует подчеркнуть то обстоятельство, что текущий момент со всей очевидностью и настоятельностью диктует необходимость переосмысления ранее сложившихся подходов и более широкого взгляда на зафиксированный в Конституции России принцип социального государства: по нашему глубокому убеждению, сегодня мы не можем ограничивать смысловое значение данного принципа только бременем тех социальных обязательств, которые взяло на себя государство в стремлении обеспечить достойные условия жизни каждому в стране.

На наш взгляд, **социальное государство в современном измерении** — это прежде всего государство, которое наравне с обществом, его группами и даже отдельными индивидами участвует в социальных процессах, которые зарождаются и развиваются параллельно сферам официальной политики и правового нормирования, стремясь при этом к тому, чтобы, не ограничивая естественных свобод личности, «пестовать» в людях лучшее и отсекал по возможности дурное. Соответственно, степень зрелости социального государства (т. е. его социальность) при таком подходе может быть определена только характером и глубиной его естественной заботы о людях.

Разумеется, обозначенный выше подход — в его прямом смысле, гарантирующем добросовестность сущностной (а не схоластически-догматической) интерпретации, — не может не натолкнуть на мысль о том, что социальное государство, взятое в высоких ипостасях его развития, по существу является, условно говоря, государством благоденствия (в западных доктринах — welfare state), если не сказать, что в подобных случаях можно ставить знак тождества между социальным государством и социализмом.

Что ж? Возможно, что даже так: ведь в то время как наша страна после закрепления в Основном законе принципа социального государства продолжила стремительно погружаться в 90-х гг. прошлого столетия в стихию неуправляемого рынка, попутно всеми силами *открещиваясь* от собственно социалистического прошлого, развитые страны мира планомерно реализовывали идеи служения государству обществу и, в отличие от современной России, имеющей более чем семидесятилетний опыт строительства социализма, обладают сейчас весьма эффективными институтами социального попечения о своих гражданах.

И неудивительно в этом аспекте то, что любая дискуссия о социальном государстве (о степени его социальности) так или иначе всегда имеет в своем основании проблематику социальной солидарности и социальной справедливости: по-другому и быть не может, поскольку отношение государ-

ства к людям, проявляемое как попечение, забота о них, в первую очередь ощущается каждым гражданином в сфере реализации социальных прав личности.

В таком ракурсе *постановка широчайшего спектра проблем реализации конституционных ценностей в современной России неизбежно соприкасается с дискурсом социальной психологии российского конституционализма*, восприятия обществом и массового правопонимания происходящих социально-политических, экономических и культурных (включая юридико-идеологические) процессов.

Что мы в этом отношении сегодня имеем по факту? Согласно одному из *свежих* социологических исследований, «Отношение россиян к власти периода конца 1970-х — начала 1980-х гг. оказалось лучше, чем к современной российской <...> Большинство участников опроса (29%) охарактеризовали советскую власть как близкую к народу, еще 25% — как сильную и прочную. Справедливой советскую власть считают 22% респондентов, законной — 20%. Недальновидной ее назвали 18% опрошенных, а бюрократичной — 15%. <...> По данным исследования, нынешнюю российскую власть большая часть опрошенных (41%) воспринимает как криминальную и коррумпированную. 31% респондентов считают ее чужой и далекой от народа, 24% — бюрократичной. Еще 15% опрошенных сочли современную власть непоследовательной» [3].

Очевидно, что при таких параметрах принимаемые властью решения не находят должного отклика в умах и настроениях людей, хотя, как отмечалось выше, это критически важно для поступательного цивилизационного и правового развития любого общества.

Соответственно, реализация конституционных ценностей становится при таких условиях крайне затруднительной (если вообще возможной); впрочем, справедлива и постановка вопроса о том, насколько и в каком процентном выражении принимаемые властью решения сами по себе отвечают конституционным ценностям, в том числе (и прежде всего) в аспекте содержания закрепленного российским Основным законом общеправового принципа справедливости.

Вот почему в свете вышеизложенного мы полагаем, что для российской науки конституционного права сейчас настало весьма удачное время, чтобы попытаться сформулировать и предложить заинтересованной аудитории новые, продиктованные конкретно-историческими условиями смыслы таких понятий, как «*социальное государство*», «*социальность*» и «*социализм*» в их социально-психологическом (этическом), политико-юридическом и сущностном взаимном пересечении. Решению этой непростой задачи и будет посвящено наше дальнейшее изложение.

«Почему социализм?» (А. Эйнштейн): несколько тезисов об идеях солидаризма, сформулированных гениальным физиком

Тематика солидаризма хорошо разработана в области гуманитарных и социальных наук: развитие соответствующих теорий началось еще в XIX в., а для того чтобы получить представление о степени фундаментальности соответствующих концепций, достаточным будет назвать имена их основоположников, в числе которых О. Конт, Э. Дюркгейм, Л. Буржуа, Л. Дюги и ряд других. При этом применительно к области правовых исследований наиболее весомый, согласно общепризнанному мнению, вклад в развитие теории социальной солидарности внес Л. Дюги.

Однако едва ли можно усомниться в том, что о закономерностях социальных процессов, а значит, и о проблематике взаимоотношений личности, общества и государства (в формате размышлений о сущем и должном) так или иначе задумывается на протяжении своей жизни всякий мыслящий человек.

Соответственно, тем более интересными кажутся воззрения, сформулированные в рамках обсуждения вышеуказанного проблемного поля теми мыслителями или деятелями, которых по роду их профессиональной реализации невозможно отнести к числу представителей гуманитарного знания или сферы социальных наук.

В этом контексте нам представляется оправданным и весьма любопытным привести ниже краткую характеристику очерка, весьма малоизвестного сейчас в широкой аудитории тех, кто интересуется правом и современными тенденциями его развития: речь идет о кратком эссе, принадлежащем перу А. Эйнштейна и получившем название «*Почему социализм?*». Особый интерес к этой работе в небольшой степени объясняется тем, что ее автор, будучи, как и подобает гениальной личности, крайне эрудированным человеком, однако же, являлся представителем точных наук. И, безусловно, в таком ключе размышления этого крупного ученого на темы, связанные с социальными закономерностями

и социальной эволюцией, являются во многом неожиданными (ведь имя А. Эйнштейна прочно связано в нашем сознании с физикой) и оттого весьма ценными, если стремиться к выстраиванию современной парадигмы правопонимания на принципах социального реализма.

Прежде всего, подчеркнем, что основным посылом для размышлений А. Эйнштейна о социализме, как о теоретически разрабатываемой альтернативе сложившемуся миропорядку и общественному устройству, стали его взгляды на современную ему стадию социального развития.

В частности, гениальный физик отмечал, что «историческая традиция остается в силе. Нигде мы не преодолели того, что Торстен Веблен называл “хищнической фазой” человеческого развития. Существующие экономические факты принадлежат к ней, и законы, которые мы можем вывести из этих фактов, неприменимы к другим фазам. А так как цель социализма и состоит именно в том, чтобы преодолеть хищническую фазу человеческого развития ради более высокой, экономическая наука в ее настоящем виде не способна прояснить черты социалистического общества будущего» [4].

Сказанное во многом остается актуальным и в наши дни, что можно наблюдать при анализе различных процессов глобализации (включая экспансию и порой чрезмерное усиление транснациональных корпораций), причин и предпосылок возникновения и разрастания военно-политических конфликтов, образования и функционирования региональных торгово-экономических союзов и ряда других факторов.

Далее, обрисовывая контуры социальной солидарности, которую А. Эйнштейн в конечном счете расценивал как необходимую предпосылку перехода человечества от «хищнической фазы» к социализму, ученый писал: «Недавно я обсуждал опасность новой войны, которая, на мой взгляд, была бы серьезной угрозой существованию человечества, с одним умным и благожелательным человеком. Я заметил, что только наднациональная организация могла бы стать защитой от такой опасности. На что мой собеседник спокойно и холодно сказал мне: “Почему вы так сильно настроены против исчезновения человеческой расы?” <...> Я уверен, что еще столетие назад никто не мог бы так легко сделать заявление подобного рода. Его сделал человек, который безуспешно пытался обрести какой-то баланс внутри себя и потерял надежду на успех. Это **выражение мучительного одиночества и изоляции, от которых в наши дни страдает так много людей** (выделено мной. — Н. Д.)» [4].

Думается, что за время, прошедшее с момента написания А. Эйнштейном этих строк, проблема индивидуальной изолированности, отчужденности личности лишькратно усугубилась. Причин тому множество: начиная с гиперстремительного увеличения численности населения Земли, продолжая, как следствие, резким сжатием ресурсной базы планеты в расчете на одного жителя и заканчивая природным стремлением каждого к, условно говоря, «лучшей доле» (что в конечном счете и означает лишь углубление процессов, свойственных «хищнической фазе» развития человечества).

Соответственно, А. Эйнштейн не случайно задавался вопросами: «В чем причина этого? Есть ли выход?» [4]. Далее он изложил несколько замечаний, которые представляются нам весьма ценными с точки зрения необходимости прояснения причин социальных дисбалансов современного мира и упадка солидаристской основы совместной жизнедеятельности людей.

В частности, ученый писал: «Человек одновременно одинокое и социальное существо. Как существо одинокое он старается защитить свое существование и существование наиболее близких ему людей, удовлетворить свои желания и развить свои врожденные способности. Как социальное существо он ищет признания и любви других людей, хочет разделять их удовольствия, утешать их в горе, улучшать условия их жизни. <...> Именно существование этих разнородных, зачастую противоречащих друг другу стремлений отличает особый характер человека, а их конкретная комбинация определяет как степень внутреннего равновесия, которого человек способен достичь, так и степень его возможного вклада в благополучие всего общества» [4].

Продолжая логику своих размышлений, А. Эйнштейн отмечал: «Не исключено, что соотношение этих двух побуждений в основном передается по наследству. Но становление личности в конечном счете формируется окружением, в котором развивается человек, структурой общества, в котором он растет, его традицией и оценкой, которую общество дает тому или иному типу поведения» [4].

Сложно возразить этому ясному и в то же время чрезвычайно глубокому наблюдению: по всему выходит, что индивидуальная изолированность, отчужденность личности, будучи культивируема обществом в предшествующее время, ширится и разрастается от поколения к поколению, превращая

деградацию солидаристских оснований социального бытия в закономерность и одновременно неизбежный результат.

Но очевидно, что по такой логике современное человечество чем далее, тем все более и более стремительно движется не в направлении усиления роли различных социальных регуляторов (и прежде всего права), а к разобщенности, пресловутой гоббсовой *bellum omnium contra omnes*, полной социальной дезинтеграции; любому думающему человеку всегда тяжело констатировать подобные утверждения, но рано или поздно точка бифуркации на этом пути человечеством будет пройдена, если не предпринять никаких решительных шагов по преломлению нарастающих тенденций.

Для подтверждения сказанного приведем еще одну справедливую мысль гениального физика: «При рождении человек наследует определенную биологическую конституцию, которую мы должны признать фиксированной и неизменной и которая включает природные побуждения, свойственные человеческому роду. К этому, в течение своей жизни, человек приобретает и определенную культурную конституцию, которую он усваивает от общества через общение и многие другие виды влияния. Именно эта культурная конституция меняется со временем и в большей степени определяет отношения между человеком и обществом» [4].

Характеризуя современную ему систему социально-экономического миропорядка, ученый отмечал следующее: «При высокой концентрации населения, чье существование зависит от производства товаров, исключительная степень разделения труда и высокоцентрализованный аппарат производства являются абсолютно необходимыми. То время, кажущееся нам теперь идиллическим, когда отдельные люди или сравнительно небольшие группы могли быть совершенно самодостаточны, — это время ушло навеки. Не будет большим преувеличением сказать, что уже сейчас человечество представляет собой одно планетарное сообщество в производстве и потреблении» [4].

Думается, очень многие согласятся с утверждением о том, что за время, прошедшее с момента написания А. Эйнштейном этих строк, не только мало что изменилось в указанном выше отношении, а, напротив, лишь углубилось и усилилось.

Вот почему нам представляются весьма точными дальнейшие замечания знаменитого физика, которые он сформулировал по поводу современного этапа в развитии человечества: «Теперь я могу коротко изложить свое мнение о сущности современного кризиса. Речь идет об отношении человека к обществу. *Как никогда раньше человек осознает свою зависимость от общества. Но эту зависимость он ощущает не как благо, не как органическую связь, не как защищающую его силу, а скорее как угрозу его естественным правам или даже его экономическому существованию.* <...> Более того, *его положение в обществе таково, что заложенные в нем эгоистические инстинкты постоянно акцентируются, в то время как социальные, более слабые по своей природе, все больше деградируют. Все человеческие существа, какое бы место в обществе они ни занимали, страдают от этого процесса деградации*» [4].

В завершение своего краткого эссе А. Эйнштейн предпринял попытку сформулировать причины описанного им положения вещей, усматривая «корень всех зол» в сложившемся механизме капиталистического хозяйствования.

В частности, ученый отмечал: «*Действительным источником этого зла, по моему мнению, является экономическая анархия капиталистического общества.* Мы видим перед собой огромное производительное сообщество, чьи члены все больше стремятся лишиться друг друга плодов своего коллективного труда. И не силой, а по большей части соблюдая законом установленные правила. В этой связи важно понять, что средства производства, т. е. все производственные мощности, необходимые для производства как потребительских, так и капитальных товаров, могут быть и по большей части являются частной собственностью отдельных лиц. <...> Частному капиталу свойственна тенденция к концентрации в руках немногих. Это связано отчасти с конкуренцией между капиталистами, отчасти потому, что техническое развитие и углубляющееся разделение труда способствует формированию все более крупных производственных единиц за счет меньших. В результате этих процессов *появляется капиталистическая олигархия, чью чудовищную власть демократически организованное общество не может эффективно ограничивать* (выделено мной. — Н. Д.)» [4].

И далее, изобличая главные пороки капиталистического миропорядка, гениальный физик констатировал: «Производство осуществляется в целях прибыли, а не потребления. Не существует никакой гарантии, что все, кто может и желает работать, будут всегда способны найти работу. Почти

всегда существует “армия безработных”. Рабочий живет в постоянном страхе потерять работу. <...> Поскольку безработные и низкооплачиваемые рабочие не могут служить прибыльным рынком сбыта, производство потребительских товаров ограничено, что приводит к тяжелым лишениям. <...> Технический прогресс часто влечет за собой рост безработицы, вместо того чтобы облегчать бремя труда для всех. Стремление к прибыли, в сочетании с конкуренцией между отдельными капиталистами, порождает нестабильность в накоплении и использовании капитала, что приводит к тяжелым депрессиям. <...> Неограниченная конкуренция ведет к чудовищным растратам труда и к тому изувечиванию социального сознания отдельной личности, о котором я уже говорил. **Это изувечивание личности я считаю самым большим злом капитализма**» [4].

Соответственно, на фоне этих обличительных суждений А. Эйнштейн и сформулировал вывод о том, что альтернативой капиталистическому устройству современного общества как раз мог бы стать социализм. Правда, ученый не привел в своем эссе подробный анализ данного понятия (в его авторской интерпретации), а ограничился характеристикой социализма всего в нескольких строках. В частности, он писал: «Я убежден, что есть только один способ избавиться от этих ужасных зол, а именно путем создания социалистической экономики с соответствующей ей системой образования, которая была бы направлена на достижение общественных целей. В такой экономике средства производства принадлежат всему обществу и используются по плану. <...> Плановая экономика, которая регулирует производство в соответствии с потребностями общества, распределяла бы необходимый труд между всеми его членами, способными трудиться, и гарантировала бы право на жизнь каждому мужчине, женщине и ребенку. <...> Помимо развития его природных способностей, образование человека ставило бы своей целью развитие в нем чувства ответственности за других людей, вместо существующего в нашем обществе прославления власти и успеха» [4]. При этом А. Эйнштейн здесь же подчеркивал: «Необходимо помнить, однако, что плановая экономика — это еще не социализм. Сама по себе она может сопровождаться полным закрепощением личности. Построение социализма требует решения исключительно сложных социально-политических проблем...» [4].

Безусловно, содержательный анализ эссе, написанного А. Эйнштейном, в сопоставлении с его названием позволяет заключить, что данная работа сосредоточена не на характеристике преимуществ социализма как некоторой теоретической модели общества будущего, а, скорее, на изобличении недостатков «чистого» (пользуясь выражением самого ученого) капитализма. В этом контексте нет никаких сомнений в том, что А. Эйнштейн исходил из весьма широкого представления о социализме как о строе общественной жизни, основанном на социальной справедливости и солидаризме, и потому являющемся антиподом тем недостаткам и порокам капитализма, которые в своей работе он чрезвычайно емко и отчетливо описал.

При этом ремарка А. Эйнштейна, что плановая экономика, теоретически выступающая одним из сущностных признаков социализма, сама по себе еще не означает реальность социализма в жизни конкретного общества, представляется весьма справедливой, ибо нашла свое практическое подтверждение в совокупном опыте всех стран, стремившихся когда-либо или по-прежнему стремящихся к формированию социалистического строя: жизнь оказалась сурова к чаяниям и надеждам теоретиков социализма, поскольку до сегодняшнего дня ни одной стране мира, провозгласившей себя социалистическим государством, не удалось обеспечить соответствие ее действительного общественного строя теоретическим идеалам социалистических учений [5, с. 18–24].

И здесь возникает закономерный вопрос: а возможно ли вообще такого соответствия достичь?

На наш взгляд, теоретическая модель социализма выступает прежде всего определенным мировоззренческим идеалом, к достижению лучших черт которого можно и нужно стремиться. То же мы уверенно можем сказать и о концепциях свободного рынка (полагающихся на его «невидимую руку»); и о модели участия государства в делах общества по принципу «ночного сторожа»; и о правовом государстве, подчиняющем свою деятельность непреложным требованиям законов; и о многих других теоретических моделях, которые, будучи последовательно воплощаемы в жизнь людей, ведут к повышению уровня правовых гарантий свободы личности, социальной справедливости, сплочения людей в едином смысловом контексте их общей жизнедеятельности (чем, собственно, и исчерпывается представление о социальной солидарности), а в конечном счете — к достижению новых рубежей общественного прогресса.

С этих позиций проанализированная выше работа А. Эйнштейна лишь подтверждает ранее выдвинутую нами гипотезу о том, что социализм сегодня не должен рассматриваться как самоцель и признаваться ценностью сам по себе: в современном хитросплетении человеческих интересов и судеб (как в индивидуальном, так и в национальном и глобальном срезе) подход к пониманию социализма должен опираться на его оценку не в качестве общественного строя, противопоставляемого капитализму и иным хозяйственным укладам, которые предполагают, как выразились бы классики марксизма-ленинизма, эксплуатацию человека человеком, а *в качестве образа мыслей и действий* (т. е. в качестве мировоззренческой системы ценностей), *позволяющего государствам обеспечивать в обществе баланс естественных, общих для всего современного человечества ценностей*, включая поддержание социальной справедливости и обеспечение требуемого уровня социальной солидарности.

Опираясь на приведенный выше посыл, и поскольку отмеченные нами естественные (общие для всего человечества) ценности, выражаемые в том числе и в общепризнанных принципах и нормах международного права, имеют сегодня в России конституционное закрепление, при обсуждении применительно к нашей стране проблематики социально-психологических аспектов российского конституционализма в их взаимосвязи с представлениями о социальной справедливости и солидаризме имеет смысл говорить *о балансе соответствующих конституционных ценностей*.

Несколько замечаний на злобу дня: кратко о главном

Несмотря на конституционное провозглашение России социальным государством, — а в нашем понимании, как это было аргументировано выше, государством *заботы о людях* (государством *действительного социализма*), — мы по-прежнему весьма далеки от всемерной обеспеченности стандартов достойной жизни человека в современном мире.

К тому же переломный момент, после наступления которого мы могли бы уверенно сказать, что Россия и в самом деле опережающими темпами движется по пути достижения стандартов социальности во взаимоотношениях общества и государства, еще не настал и видится нам лишь в отдаленной перспективе.

Безотносительно к тому, что в деле утверждения в России идеалов социального и правового государства фундаментальна роль Конституционного суда Российской Федерации, известные всем компетенционные и процессуальные особенности его функционирования не позволяют ему в решении имеющихся проблем принимать на себя функционал других органов власти. Стало быть, даже Конституционный суд России при всей его авторитетности и взвешенности правоутверждающих решений в одиночку не в состоянии переломить текущую ситуацию в стране, связанную с реализацией принципа социального государства и достижением ценностей действительного солидаризма. А она, эта ситуация, требует кардинальных изменений.

Так, например, профессор В. Д. Зорькин с полным основанием пишет, что «хотя формально Конституция провозглашает Россию социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие личности, ни для кого не секрет, что такое состояние дел в нашей стране — пока всего лишь конституционный идеал. Среди причин такого положения дел и несоответствие экономических, социальных и иных целей политики государства друг другу, и то, что сейчас Россия по важнейшим макроэкономическим показателям находится в группе развивающихся стран, и отсутствие у властных структур необходимой определенности с моделью обеспечения социальных функций государства. Выразительным индикатором дефектов социальной политики государства является тот факт, что Россия — страна, где самыми высокими темпами в мире растет количество долларовых миллиардеров. При этом, по данным Российской академии наук, за годы реформ самые бедные стали в два раза беднее, а в целом 80% населения в материальном плане от реформ больше потеряли, чем приобрели. <...> Если социально-экономическая жизнь устроена так, что богатые богатеют, а бедные беднеют, то это значит, что страна попала в ловушку неравенства. Чтобы выйти из нее, надо разорвать порочный круг, в рамках которого экономическое и политическое неравенства дополняют и усиливают друг друга. Преодоление “ловушки неравенства” для России является критерием ее дееспособности как *социального и правового государства*» [1, с. 43].

Профессор Т. М. Пряхина в отношении обозначенной выше ключевой проблемы реализации в России принципа социального государства и идеалов социальной справедливости приводит более

подробную статистику. В частности, она указывает: «Проблема диспропорции распределения ресурсов носит общемировой характер, и Россия в данном плане не является исключением. Так, по результатам исследований международной благотворительной организации Oxfam, половина мирового состояния принадлежит одному проценту населения, которому в общей сложности принадлежит 110 триллионов долларов. А 3,6 миллиарда проживающих на Земле бедняков все вместе владеют капиталом в 1,7 триллиона долларов. Столько же имеют и 85 самых богатых людей мира. Среди долларовых миллиардеров и 110 российских богачей по версии журнала “Форбс”. Среди 85 самых богатых людей планеты наших — 11 человек. При этом в нашей стране за чертой бедности живет каждый восьмой человек — 12,6 процента населения, или 17,8 миллиона россиян, это люди, чьи доходы ниже прожиточного минимума» [6, с. 26].

Многие авторитетные российские конституционалисты сегодня сходятся во мнении, что для достижения стандартов социального государства России предстоит пройти длительный и многотрудный путь.

Например, уважаемый профессор С. А. Авакьян пишет: «Как и в отношении других конституционных категорий, в отношении социального государства в России можно говорить с точки зрения должного и сущего. Читая <...> строки Конституции, можно сказать, что соответствующая им политика государства существует и какие-то мероприятия в интересах создания достойной жизни человека в стране предпринимаются. Но нельзя не видеть и того, что Россия находится сейчас в очень трудном экономическом положении. Мы еще далеки от настоящего социального государства. Поэтому записанное в ст. 7 Конституции скорее можно рассматривать как стратегическую задачу общества и государства на ближайшие не только годы, но и десятилетия. Однако само по себе закрепление данной черты Российского государства в Конституции является концептуально правильным. Страна отдает себе отчет в том, что по-настоящему свободными людьми могут быть те, кто живет достойно в социальном и экономическом отношениях, и ставит перед собой цель создания для этого необходимых условий» [7, с. 384].

Академик О. Е. Кутафин также писал: «Российская Федерация ставит перед собой цель построения социального государства, но в настоящее время она находится только в самом начале пути к достижению этой цели. Задачи проводимой в стране экономической реформы состоят в том, чтобы создать механизмы рыночного хозяйства и, опираясь на них, найти новые формы социальной защиты граждан в изменившихся условиях. Однако обе эти задачи решаются медленно и во многих отношениях неудовлетворительно» [8, с. 97].

Нами, безусловно, разделяется точка зрения коллег-ученых, кто обоснованно, с указанием конкретных фактов и научных закономерностей делает вывод, что России еще далеко до достижения идеалов социального государства — хотя бы в том виде, в каком они понимаются в контексте общепризнанных принципов и норм международного права, а также социально-экономических стандартов жизни населения в развитых странах.

Однако мы твердо убеждены, что это не повод *опускать руки*: российское общество вправе и в состоянии бороться для себя, своих потомков и своей страны за лучшее будущее.

И это дает нам повод еще раз задаться вопросом: если социальное государство в России понимать по сути как государство нового российского социализма, то что хорошее, позитивное могли бы (в отличие от подавляющего большинства других стран мира) почерпнуть и, если уместно так выразиться, возродить в современных условиях из своего собственного социалистического прошлого?

Полагаем, в первую очередь ***это должно быть отношение власти к людям*** — не той власти, которую мы видим выражающей официальные позиции с экранов телевидения, а той, с которой в повседневных заботах и тяготах сталкиваются простые люди. Почему в последнее время все чаще звучат сравнения с советским прошлым (причем сравнения не в пользу современной ситуации)? Потому что в советское время (особенно явственно это ощущалось в послевоенные годы) представители власти и в самом деле стремились помогать людям, заботиться о них, даже просто хотя бы их замечать.

И это — без преувеличения и пафоса — вопрос прежде всего поведенческий, вопрос психологии отношений в обществе — социальной психологии современного российского конституционализма.

Разумеется, что в этой плоскости речь идет прежде всего об изменении существующих в обществе (не только у бюрократии) соответствующих нравственных, этических установок, ибо в отсут-

ствии прочной опоры в нравственности правовое — а значит, и социальное — государство в России будет невозможно.

Иными словами, желая достичь в России идеалов *социального и правового государства*, **мы в первую очередь должны решать проблему нравственного воспитания общества!**

В подтверждение нашей мысли в качестве своего рода заключительного аккорда в очередной раз приведем глубокое и убедительное суждение профессора В. Д. Зорькина: «Правовая модернизация неразрывно связана с широко понимаемой социально-нормативной модернизацией общества» [1, с. 92], при этом одним из ее ключевых факторов выступает «*нравственное воспитание масс*, о котором говорили Владимир Соловьев и другие выдающиеся российские мыслители. Задача архисложная, требующая системного вовлечения в ее решение и государства, и школы, и семьи, и религиозных институтов, и всех (безусловно, существующих в стране) здоровых общественных сил, и — подчеркну особо — всей системы средств массовой информации. В первую очередь телевидения. Как это может быть организовано — отдельная непростая тема, которой я здесь касаться не буду. Подчеркну лишь, что такого рода *нравственное воспитание невозможно без провозглашения и последовательного отстаивания системы духовно-моральных идеалов*» [1]; все перечисленное «*требует от государства продуманной и планомерной, рассчитанной на длительную перспективу работы по правовому просвещению общества, направленной на формирование правосознания и мировоззрения. Конституция — это генеральное соглашение между всеми социальными группами, включая власть, бизнес, общество в целом, о фундаментальных правилах, по которым живет страна (ведь в буквальном переводе конституция означает устроение). Поэтому конституционное мировоззрение, ориентированное на социальное согласие*, — это еще один важный компонент идеологии..., способной объединить наше уже и так расколотое общество. <...> Формирование конституционно-правового мировоззрения необходимо всем слоям и группам российского общества. Однако следует особо отметить роль совершенствования юридического образования для повышения профессионального сознания юристов (и прежде всего представителей судейского корпуса). При этом речь должна идти не только об овладении будущими юристами необходимыми знаниями, но и об освоении ими *человекоцентричного правопонимания, положенного в основу российской Конституции* (курсив мой. — Н. Д.)» [1, с. 93].

Библиографический список

1. Зорькин В. Д. Цивилизация права и развитие России : монография. М., 2015. 320 с.
2. Монтескье Ш. Л. О духе законов. М., 1999. 672 с.
3. Анисимова Н. Социологи сравнили отношение россиян к советской и нынешней власти // Официальный сайт компании РосБизнесКонсалтинг, дата публикации: 05.08.2019. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/08/2019/5d47c4449a79477f6404a193> (дата обращения 07.08.2019).
4. Эйнштейн А. Почему социализм? URL: http://www.economicdemocracy.ru/common/why_socialism.php (дата обращения 07.08.2019).
5. Чиркин В. Е. Социальная справедливость и российская Конституция // Соц. справедливость и гуманизм в современном государстве и праве : матер. Междун. научн. конф. / отв. ред. Т. А. Сошникова. М., 2015.
6. Пряхина Т. М. Конституционные основы социальной справедливости // Социальная справедливость и гуманизм в современном государстве и праве : матер. Междун. научн. конф. / отв. ред. Т. А. Сошникова. М., 2015.
7. Авакьян С. А. Конституционное право России. Учебный курс : уч. пособ. : в 2 т. Т. 1.: 5-е изд., перераб. и доп. М., 2014. 864 с.
8. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. проф. В. Д. Зорькина: 3-е изд., пересмотр. М., 2013. 1040 с.